

ка, способной вовлечь его в напряженную проблематику культуры и науки XX столетия.

Интерес историка состоит не столько в постижении всеобщего, сколько особенного, исторически непреходящего. Но не будем абсолютизировать особенности мыслительной жизни средневекового человека. Многие из свойственного ему присуще и людям нового времени, хотя и по-другому присуще. Любой факт из истории алхимии, например, лишь тогда становится фактом историческим, когда осмысливается в его разнообразных связях с другими видами деятельности. В ином случае наидостовернейший факт может стать ложью, ибо «истина в ее грубом состоянии более поддельна, чем сама подделка» (Валери, 1936, с. 207).

Модернизация и архаизация этого прошлого есть *temento mori* исторического первородства. Преодолеть соблазн можно, лишь войдя в лад отошедших времен. Но чем глубже такое проникновение, казалось бы, дегерметизирующее это прошлое, тем ощутимее возможность уйти в крайность иную — архаизировать это прошлое. Пребывание в любой из этих крайних точек неисторично. Сама же предпосылка понимания иных типов культур в том и состоит, что этот тип культуры осознается как чуждой и «остраненный» и именно потому как свой и понятный. Лишь так осуществляется с помощью исторических реконструкций определение «самого себя» как субъекта культуры. Лишь такой взгляд сможет возвыситься над историческим источниковедением в привычном его смысле.

НО ПРЕЖДЕ: метод исследования — метод гуманитарного эксперимента.

Даже первое, обзорное чтение рецепта *Рипли* бесспорно свидетельствует о многозначности, многосмысленности этого текста как текста алхимического. Это и рецепт-предписание, и символическое иносказание, и инокультурный пришелец в европейский средневековый мир, и ритуально-мифическое образование, и теоретико-практическое, ремесленно-умозрительное дело, и еретический антипод собственно средневековому, догматическому послушанию — алхимическое инакомыслие... Так, по крайней мере, на первый взгляд. Вместе и сразу. Все эти прочтения уже живут в этом тексте — купно и нераздельно. Верно: все эти вещи в этом тексте странным образом, но вычитываются. Прочитываются «в целом», что достаточно пусто и может остаться в сознании разве что как первое впечатление. Необходимо понимание. Но чтобы понять, нужно разделить — исследовательски раззять, ухитрившись сохранить при этом жизнь всего явления. Оркестр как единство. Но такое единство, в котором слышна и третья скрипка. Вот почему существенная особенность нашего эксперимента должна состоять в том, чтобы в этом одном тексте увидеть (реконструировать) все — отдельно! — особенности алхимического мышления и алхимической деятельности как средневекового мышления и средневековой деятельности в поливалентной странности исследуемого феномена. И все это при сильнейшем сопротивлении материала — упругого, герметически замкнутого.